

Предисловие переводчика

Перед нами книга, написанная братом о брате. Оба они работали бок о бок, занимались одним и тем же делом — модельным бизнесом. И функции в их тандеме распределялись согласно «классике жанра». Один, Джанни Версаче, творил и без конца экспериментировал, не обращая внимания на то, что об этом скажут окружающие. Другой, его брат Санто, постоянно старался ввести этот творческий пыл в строгие берега финансовой логики и, надо сказать, очень помогал брату и всегда его поддерживал. При таком распределении ролей и расстановке персонажей книги, написанная Санто Версаче, становится вдвойне интересной, хотя и написана достаточно сухо. Само собой, она густо населена представителями модельного бизнеса того времени: Санто очень шепетилен и пунктуален, когда перечисляет, к примеру, кто присутствовал на показах или на званых вечерах, сопутствующих показам, и в каких ресторанах проходили эти вечера. Сознание того, что он имеет возможность на равных общаться с сильными мира сего, греет его душу.

Надо сказать, что, при всей его красоте и обаянии, Санто Версаче — порядочный зануда. У него склад ума природного финансиста: все на свете должно быть логично, последовательно и точно. Он — хронический отличник. Он и каждую фразу строит так, как и положено ее строить хроническому отличнику. По ходу дела мне приходилось не «причесывать» текст, а, наоборот, немножко его «растрепывать».

В сущности, Санто пишет эту книгу не о Джанни Версаче, а о себе. Даже в самых, казалось бы, трагических эпизодах, связанных с гибелью брата, он все время съезжает на описание собственных эмоций. Ну, таков уж он есть, так его устроила природа. И здесь возникает очень интересный момент: «сшибка»¹ самодовольства и большой любви. Детей в семье Версаче воспитывали в любви друг к другу и постоянно прививали им чувство единения. Они умеют стоять горой за своих, что вообще характерно для итальянских семей. И Санто, выросший в такой семье, прекрасно это понимает. Очень интересно наблюдать, как он, только что с гордостью перечислявший, где к нему отнеслись с почтением, как он сидел за обедом рядом с самим Берлускони, вдруг словно просыпается, и на первый план в повествовании выходит любовь: к семье, к брату, к их общему делу. Он изо всех сил старается писать о близких людях, а выходит все равно о себе. И подборка фотографий говорит о том же.

¹ «Сшибкой» психологи называют внутреннее противоречие, которое невозможно преодолеть, не пожертвовав каким-то самым важным для себя принципом. С точки зрения психологии не жизненные испытания, а именно «сшибки» оказываются наиболее опасными для человеческого здоровья. (Прим. пер.)

Везде только Санто: Санто на карнавале, Санто на пляже, Санто защищает диплом, Санто уходит в армию... ну, и так далее. Фотографий Джанни гораздо меньше, и все они не слишком удачные: для Джанни абсолютно не имело значения, в каком ракурсе он получится на фото и как он одет, когда его фотографируют. И это не рисовка: ему действительно все равно. У него жизненные приоритеты расставлены по-другому.

Неистовый, своевольный, абсолютно непредсказуемый Джанни был фантастически одарен природой и мог шутя, без всяких творческих мук, «на коленке» набросать модель, которая потом будет приносить миллионные доходы и войдет в анналы модельного бизнеса. И если Санто все время старается «соответствовать», то Джанни каждую секунду вырывается из тех правил, которые Санто свято чтит. Это проявляется во всем: в манере одеваться, в привычках, в стиле общения с людьми. Судьба собственных гениальных находок Джанни, кажется, волнует мало. Его дело — родить шедевр, а воспитанием уж пусть занимается Санто. Даже на показы своих моделей он приезжает не всегда, зачастую доверяя представительство брату.

Есть еще один момент, о котором нельзя не сказать и который характеризует обоих братьев. Джанни был геем, причем геем счастливым, и не думал скрывать этот факт своей биографии. И Санто относится к этому факту совершенно спокойно и даже довольно резко высказывается о предрассудках. Его позиция такова: человек должен жить по тем законам, по каким его скроила природа. Странная позиция для поборника упорядоченности во всем. Думаю, здесь мы снова сталкиваемся с той самой внутренней «сшибкой», ко-

торая прочно обосновалась в характере Санто. Когда в его строго структурированном мире начинает главенствовать любовь, он оказывается способен на неожиданные выводы.

Интересный тандем получается у братьев. Джанни действует спонтанно, мало задумываясь о логике, но всегда безошибочно попадая в яблочко. Санто не может без логики и целенаправленности, но именно эти качества очень часто становятся «подставленным плечом» и спасают замыслы Джанни. Санто ищет общества людей с высоким статусом, без поддержки статусных личностей ему неуютно. А Джанни, наоборот, уходит от подобного общения, ему нужны свобода и, как ни странно, внутреннее одиночество. Может, в этом и кроется одна из важных потребностей настоящих гениев? В своей вспыльчивой неуживчивости и колоссальной одаренности внутреннее одиночество они нащупывают с легкостью. Но далеко не каждому выпадает счастливый жребий иметь такое верное «подставленное плечо», каким был для брата Санто.

Ольга Егорова

Моему брату

1

По утрам я обычно просыпаюсь рано, встаю быстро и сразу погружаюсь в только что наступивший день и в тот, что еще наступит. И в тот, что наступит следом за ним. Я человек настоящего и будущего, всегда таким был и таким останусь.

С детства я был послушным ребенком, с дисциплиной атлета и добросовестностью банковского служащего, тем более что моим первым местом работы был банк. Великий калабриец, писатель Коррадо Альваро в одном из своих дневников написал: «Самое большое несчастье, которое может постигнуть человеческое общество, — это сомнение, стоит ли жить честно». Его слова на всю жизнь стали моими.

У каждого свой характер, свой замес, и мой замес именно такой. Я не попадаюсь в чарующие тенета ностальгии, а всегда стараюсь отпустить прошлое как оно есть, со всеми его водоворотами ошибочных или вовсе не произнесенных слов, с его наследием красивых фотографий и жестов сожаления.

Однако и в моей теперешней слишком активной, подчас лихорадочной жизни, вопреки почтенному возрасту,

бывает так, что снова появляются воспоминания о той, другой жизни. И тогда я спрашиваю себя, каким бы я стал и какими стали бы мы все, если бы Джанни все еще был с нами. Если бы все необыкновенные проекты, которые его ожидали и которые мы вместе могли воплотить в жизнь, не оборвала пуля серийного убийцы, выпущенная из оружия 40-го калибра.

В Майами 15 июля 1997 года погибла и часть меня самого.

Когда я разворачиваю ленту памяти, я снова все это переживаю заново. Переживаю мучительную боль от потери брата. И ту жестокость, с какой нашу семью, всегда объединенную любовью и творчеством, заставили облачиться в траур. И ту невосполнимую пустоту, что осталась после смерти Джанни в истории моды, и прежде всего в судьбах стольких людей, друзей и незнакомых, знаменитых и безвестных.

Я снова вижу, как вхожу в Миланский собор в день похорон, назначенных на шесть часов вечера двадцать второго июля. Донателла вцепилась мне в руку, лицо ее закрыто вуалью. Я держусь изо всех сил и изо всех сил стараюсь поддержать ее. Нас окружают люди, много людей, но в этот момент мы с ней глубоко одиноки.

* * *

Насколько я знаю, ни в итальянском, и ни в одном другом языке не существует слова, которое означает потерю брата или сестры. Нет эквивалента понятиям «вдовец» или «сирота». Но боль утраты огромна, и я слишком близко с ней знаком. Может показаться абсурдным, но за всю жизнь мне лишь дважды довелось пережить эту боль. Мне

судьбой было назначено дважды стать старшим братом, человеком ответственным, с головой на плечах, на которого всегда можно положиться. Когда мне было почти девять лет, а Джанни семь, умерла наша старшая сестра Тинучча. Я называю ее здесь уменьшительным именем, а полное имя было Фортуната, и ей еще не исполнилось десяти. Эта трагедия потрясла наших родителей и нанесла серьезную травму нам, малышам.

Я очень любил Тинуччу, и почему-то сейчас в памяти всплыла одна сцена. Это было зимой, и в Реджо-Калабрии¹ выпало много снега. Мы с Тинуччей, в теплых пальто, в шарфах до самых глаз, с террасы нашего дома с восторгом обстреливали снежками улицу. Я хорошо помню то простое детское счастье, что охватывало нас тогда.

Когда Тинучча заболела перитонитом, нас с братом отправили к родственникам. Ей становилось все хуже, держалась высокая температура, и врачи ничего не смогли сделать. С ее смертью надолго угас свет, освещавший наши детские дни. По желанию отца мы совсем недавно переехали на виа деи Корреттори и оказались далеко от нашего домашнего врача. Мама очень долго переживала и твердила, что, не будь этого переезда, Тинучча, может, была бы жива. Она все время плакала, испытывая к отцу безотчетную ненависть.

Все эти беды заставили меня быстро повзрослеть, и из мальчишки я превратился в маленького мужчину, не по годам разумного и зрелого. Со смертью Тинуччи моя участь

¹ Реджо-ди-Калабрия — город в Италии, в регионе Калабрия. Расположен на краю итальянского «сапога», напротив города Мессина на Сицилии. (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

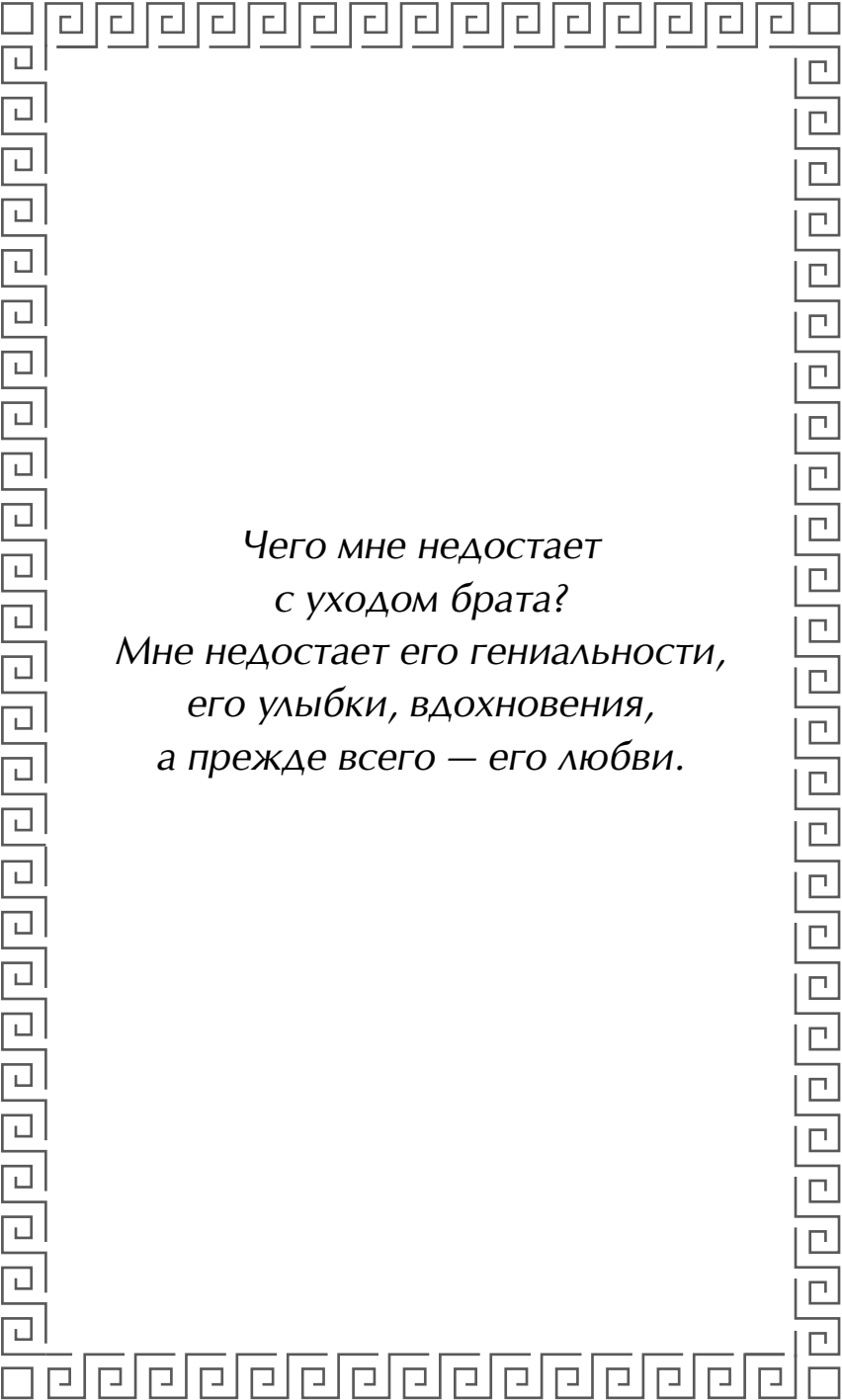
старшего брата была решена окончательно, а характер сформировался внутри этой боли, которую я, как ни удивительно, умел преодолевать.

С этого момента я и стал на всю жизнь старшим братом для Джанни и для Донателлы, которая появилась на свет через два года после смерти Тинуччи и вернула улыбку на лицо мамы и на наши лица. Эта волшебная малышка заняла в семье место ангела. Мы ее обожали, и с первой секунды своей жизни она стала для нас младшей сестренкой, которую всем хотелось приласкать, оградить от бед и бесконечно о ней заботиться.

Тень Тинуччи, а затем и тень Джанни повсюду сопровождали меня, делая, может быть, излишне серьезным, даже угрюмым и очень негибким человеком в глазах многих. Во мне всегда живет бизнесмен, человек цифры. Это верно, однако за быстротой и трезвостью суждений предпринимателя всегда присутствует или, по крайней мере, должно присутствовать представление о мире, этике и моральных принципах, которые надо передать людям. Для меня ориентиром всегда служили люди просвещенные, такие как Адриано Оливетти¹. Люди, умеющие завоевывать, но умеющие и возвращать завоеванное.

Представление обо мне как о натуре чрезвычайно цельной, всегда полагающейся на силу, рассыпалось в прах после смерти Джанни. Осмысление всего этого стало путем долгим, трудным и очень личным. За те двадцать пять лет, что прошли с того проклятого дня, я много раз от разных

¹ Адриано Оливетти (1901–1960) — итальянский промышленник и меценат. Для послевоенной Италии он был тем же, кем для дореволюционной России Савва Мамонтов, Третьяковы и Алексеевы.

*Чего мне недостает
с уходом брата?
Мне недостает его гениальности,
его улыбки, вдохновения,
а прежде всего — его любви.*